годъ КІЕВСКІЯ XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 4 руб съ пересылкой. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1899 года. № 10. 16 Мая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РѢЧЬ

Преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, сказанная 10-го апрѣля выпускнымъ ученикамъ 1-й Кіевской гимназіи, послѣ испытанія ихъ по Закону Божію.

Возлюбленные юноши! Вы оканчиваете теперь вашъ курсъ и должны получить, такъ называемые, аттестаты зрѣлости, дающіе вамъ право исполнить то желаніе, которымъ, безъ сомнѣнія, вы теперь воодушевляетесь,—поступить въ высшее учебное заведеніе, чтобы продолжать ваше образованіе и избрать себѣ ту или другую спеціальность для того, чтобы болѣе и болѣе развиваться самимъ, развивать избранную науку и всецѣло посвятить себя служенію Богу, Царю и Отечеству. Но переходъ вашъ изъ одного состоянія въ другое въ настоящее время омраченъ непріятными обстоятельствами, которыя совершаются въ жизни

высшихъ учебныхъ заведенiй, и поэтому вы находитесь не въ безопасности.

Смотрю я на васъ и вижу, что всѣ вы, хотя и оканчиваете курсъ, но еще дѣти по наружности, чему, конечно, вы должны радоваться, ибо изъ этого должно заключить, что вамъ еще довольно остается времени укрѣплять себя и сознавать себя молодыми, т. е., существами неиспорченными, живыми, способными и готовыми на все доброе.

Когда мы теперь открываемъ окно или выходимъ на улицу, то въ нашемъ чудномъ Кiевѣ повсюду видимъ зеленѣющiя деревья, покрывающiяся мягкими листочками, выходящими изъ сочныхъ и пышныхъ почекъ; съ этою развивающеюся весеннею зеленью сравниваю я васъ, милые мои юноши! Съ какою радостiю смотримъ мы на эти зеленѣющiя деревья! Рады мы веснѣ, рады мы ея зелени; радостна она для всякаго возраста и состоянiя: весело человѣку, радостно у него на сердцѣ,—весна усиливаетъ его радость; грустно ему,—весна гонитъ отъ него грусть; силенъ человѣкъ,—весна еще болѣе уклѣпляетъ его силы; слабъ,—весна поддерживаетъ его силы, какъ бы возрождаетъ его. Вотъ что такое весна, вотъ что такое ея зеленѣющiя вѣтви и вотъ чего мы ждемъ отъ нихъ! И вы—весна наша, и вы—зеленѣющie листки на деревѣ нашей жизни.

Что-же можетъ угрожать вамъ, почему вы не въ безопасности? Продолжимъ сравненie. Часто наблюдается такое непрiятное явленie въ природѣ: только что деревья успѣютъ покрыться зеленью, какъ вдругъ начинаютъ по деревьямъ расползаться черви-гусеницы,

при чемъ наблюдается, что червь избираетъ для себя деревья или съ сладкими на вкусъ листами, или мягкими и сочными,—но деревья съ листьями крѣпкими оставляетъ въ покоѣ и весьма искусно даже оползаетъ ихъ, когда перебирается съ одного дерева на другое. Проходитъ нѣсколько дней, и деревья оказываются безъ зелени: черви истребили наши зеленѣющіе листочки, и деревья, лишившись листвы, получаютъ видъ печальный, по сравненію съ тѣми, которыя стоятъ съ нетронутыми листьями, одѣтыя живой и благоуханной зеленью. Но жизнь въ деревѣ не прекращается. Когда вся зелень съѣдена, червь сползаетъ, несчастное обнаженное дерево начинаетъ понемногу облекаться вновь зеленью вторично,—но уже не во время, не для того, чтобы зацвѣсть и принести плоды, а развѣ лишь для того, чтобы не отличаться своею внѣшностью отъ другихъ, нетронутыхъ порчею, деревъ.

Тѣ недобрыя, тѣ тлетворныя мысли, которыя въ настоящее время руководятъ многими воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, я уподобляю этимъ червямъ; имъ-же уподобляю и тѣхъ людей, которые прельщаютъ ихъ этими недобрыми мыслями и поддерживаютъ въ нихъ это недоброе направленіе.

Шумъ, такъ называемые, безпорядки на улицахъ, безпокойство всѣхъ гражданъ, страданіе отцовъ, плачъ матерей, боль сердца у пастырей Церкви! Что же случилось? Учащіеся молодые люди чего-то хотятъ, къ чему-то стремятся... А что имъ нужно въ дѣйствительности? Имъ нужно учиться, учиться и учиться, работать, работать и работать, питаясь живыми соками живого дерева—государства. А вмѣсто этого на что

отдали они себя, эти живые листочки этого живою, величайшаго въ мірѣ дерева!.. Пройдутъ два-три года, нѣкоторые, можетъ быть, окончатъ даже курсъ въ этомъ смятеніи чувствъ и мысли: а дальше что? А дальше молодежь должна будетъ вновь страшными трудами, при полномъ недовольствѣ своимъ утраченнымъ прошлымъ, пріобрѣтать то, что ей нужно для дѣйствительной жизни. Пока были молоды, волновались, нервничали, а время шло; уже лѣто на дворѣ—рабочая пора, а здѣсь вмѣсто того, чтобы приносить плоды, нужно облекаться новыми листьями, чтобы не стоять обнаженными и не стыдиться другихъ, одѣтыхъ зеленью, деревьевъ и уже принесшихъ плоды. Повѣрьте, это время придетъ для той молодежи, которая теперь волнуется и нервничаетъ.

Примите этотъ урокъ къ сердцу и помните, что отъ васъ требуется упорный трудъ, ибо *царствіе небесное нудится и нуждницы восхищаютъ е.* (Мѳ. XI, 12). Нужно упорно трудиться, если хотимъ принести пользу ближнему здѣсь, на землѣ, и получить царство Божіе на небѣ. Иного средства нѣтъ. Умоляю васъ, какъ отецъ, слушайте рѣчи взрослыхъ, искренно расположенныхъ къ вамъ людей, которые говорятъ вамъ о трудѣ, о послушаніи, и не слушайте тѣхъ, кто говоритъ вамъ противное, лаская вашъ слухъ льстивыми рѣчами, и вспоминайте это мое наставленіе особенно тогда, когда будутъ нападать на васъ недобрыя мысли и чувствованія. Божіе благословеніе да будетъ на всѣхъ васъ!

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ

о святыхъ благовѣрныхъ князьяхъ, Борисѣ и Глѣбѣ (2 мая)[1].

Святая церковь нынѣ воспоминаетъ перенесеніе мощей святыхъ благовѣрныхъ князей россійскихъ, Бориса и Глѣба, которые были любимыми дѣтьми равноапостольнаго князя Владиміра. Борисъ и Глѣбъ были прекраснѣйшіе и благочестивѣйшіе изъ всѣхъ дѣтей св. Владиміра, среди которыхъ они сіяли, по словамъ препод. Нестора, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди мрака. Въ то время, какъ другіе сыновья св. Владиміра были отправлены на удѣлы или мѣста княженій, Борисъ и Глѣбъ, по своему малолѣтству, долго жили при отцѣ, и укрѣплялись въ благочестіи. По глубокой любви къ новой христіанской Вѣрѣ они были лучшіе изъ всѣхъ сыновей св. Владиміра. Борисъ отличался кротостію, правдивостію, милосердіемъ и щедростію къ бѣднымъ и несчастнымъ. Съ большой ревностію онъ читалъ свящ. книги и особенно житія святыхъ. Читая о страданіяхъ мучениковъ, Борисъ обливался слезами и говорилъ: „Господи! научи меня идти по ихъ слѣдамъ. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетою міра сего; научи сердце мое познавать Тебя и Твои заповѣди; даруй мнѣ даръ, какой даровалъ угодникамъ Своимъ“! Младшій лѣтами, Глѣбъ неотлучно находился при своемъ братѣ, слушалъ чтеніе его день и ночь и отличался,

[1]) Члена Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества въ духѣ православной церкви, прот. *І. Королькова*.

подобно старшему брату, любовію къ бѣднымъ, вдовицамъ и сиротамъ. Вотъ почему отецъ преимущественно любилъ этихъ двухъ сыновей, видя въ нихъ благословеніе Божіе.

Когда же оба братья пришли въ возрастъ, отецъ назначилъ имъ удѣлы: Борису-Ростовъ и Глѣбу-Муромъ. Прибывъ въ свои удѣлы, они дѣлали все, что могли, для распространенія Вѣры христіанской, при чемъ сами служили образцемъ и примѣромъ кротости, смиренія, правосудія и милосердія къ бѣднымъ. Въ виду такихъ добрыхъ качествъ Бориса и Глѣба, отецъ ихъ, св. Владиміръ, желалъ, чтобы старшій изъ ихъ Борисъ былъ наслѣдникомъ его престола. Тогоже искренно желали и кіевляне, любившіе молодыхъ князей за ихъ доброту и сердечное отношеніе къ бѣднымъ и несчастнымъ. Не по сердцу пришлась любовь князя и народа къ Борису и Глѣбу старшему ихъ брату Святополку, который ждалъ только смерти отца, чтобы захватить княжескій престолъ въ свои руки. Весьма честолюбивый, Святополкъ былъ только по имени христіаниномъ, а въ душѣ оставался язычникомъ, жаждавшимъ погибели своихъ братьевъ. Впрочемъ, преступные замыслы Святополка были во время открыты, и онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Но вскорѣ св. Владиміръ, милостивый ко всѣмъ нарушителямъ законовъ, простилъ своего сына, только не далъ ему княжескаго удѣла. Едва успѣлъ умереть св. Владиміръ, какъ Святополкъ самымъ преступнымъ и коварнымъ образомъ умертвилъ сначала Бориса (24 іюля 1015 г., чрезъ восемь дней по смерти св. Владиміра), а потомъ Глѣба (5 сентяб. того же года). Не будемъ смущать ваши благочестивыя души

подробнымъ изложеніемъ этого несчастнаго братоубійства. Скажемъ только, что и самъ Святополкъ былъ побѣжденъ своимъ братомъ Ярославомъ и долженъ былъ скрываться въ богемскихъ лѣсахъ, гдѣ и окончилъ свою преступную жизнь, получивъ въ народѣ за свои злодѣянія прозваніе „окаяннаго“. А умерщвленные имъ Борисъ и Глѣбъ прославились многими чудесами, причислены нашею Церковію къ лику святыхъ и именуются нашими первомучениками, чудотворцами, молитвенниками и заступниками Земли русской. Тѣла свв. князей-мучениковъ были торжественно похоронены Ярославомъ въ Вышгородѣ, гдѣ вскорѣ былъ построенъ храмъ, въ который стекалось множество богомольцевъ, особенно къ 24 іюля, когда празднуется ихъ память. Въ память перенесенія мощей Бориса и Глѣба въ новый храмъ, св. Церковь празднуетъ это событіе 2 мая.

Прошло много лѣтъ со времени внезапной кончины Бориса и Глѣба, но память о нихъ доселѣ жива въ народѣ, прибѣгающемъ къ нимъ, какъ къ своимъ заступникамъ и молитвенникамъ.

Братія—христіане! Будемъ и мы чаще приводить себѣ на память христіанскія добродѣтели свв. братьевъ—ихъ любовь къ священнымъ книгамъ, имѣвшую великое значеніе въ смягченіи ихъ характера,—ихъ миролюбіе, въ которомъ нерѣдко и мы нуждаемся,—ихъ самопожертвованіе ради блага Руси,—качество, не часто встрѣчающееся въ наше практическое время. Взирая на скончаніе жительства свв. братьевъ, будемъ подражать ихъ вѣрѣ. Аминь.

Христіанскій взглядъ на жизнь.

(*По поводу „Стихотвореній въ прозѣ“ И. С. Тургенева* [1]).

Въ концѣ 1882 года, незадолго до своей смерти, И. С. Тургеневъ рѣшилъ подѣлиться съ своими читателями „тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листахъ подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной“. Содержаніе этихъ набросковъ—самое разнообразное: здѣсь и картины русской природы, и впечатлѣнія, вызванныя различными общественными событіями,—воспоминанія о радостныхъ, свѣтлыхъ минутахъ жизни и скорбь о разбитыхъ надеждахъ, тяжкихъ потеряхъ,—горькая насмѣшка надъ пошлой стороной дѣйствительности и грустное раздумье надъ смысломъ нашей короткой жизни. Листки эти не имѣютъ общаго заглавія: авторъ назвалъ ихъ „Senilia“—стариковскія; редакція „Вѣстника Европы“ напечатала ихъ подъ заглавіемъ „Стихотворенія въ прозѣ“—слова, невзначай оброненныя авторомъ въ письмѣ къ редактору и прекрасно выражающія то впечатлѣніе, которое производятъ напечатанные наброски на душу читателя. Съ этимъ заглавіемъ они вошли въ полное собраніе сочиненій Тургенева; подъ нимъ же они стали извѣстны всему читающему обществу. Заглавіе—выразительное: въ набросках Тургенева, при небольшихъ размѣрахъ и сжатомъ языкѣ, столько изящества и задушевности, что ихъ можно назвать „стихотвореніями“, хотя они и написаны въ прозѣ. Это—перлы русской поэзіи. Печатая свои замѣтки, И. С. Тургеневъ надѣялся, что которое нибудь изъ нихъ заро-

[1]) Публичное чтеніе, предложенное въ залѣ Кіевской Фундуклеевской гимназіи 21 марта 1899 г. по порученію Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, доцентомъ Кіевской духовной Академіи, *П. Кудрявцевымъ*.

нитъ что-нибудь въ душу читателя. Онъ не ошибся: много могутъ заронить въ душу читателя его „Стихотворенія въ прозѣ“: ужъ очень близки къ сердцу тѣ вопросы и явленія, которые въ нихъ затрогиваются.... Кое-какими размышленіями и сопоставленіями, навѣянными чтеніемъ „Стихотвореній въ прозѣ“, рѣшаюсь подѣлиться съ достопочтеннымъ собраніемъ.

I.

Общій тонъ «Стихотвореній въ прозѣ», какъ и всѣхъ произведеній Тургенева,—глубоко грустный. Правда, поэтъ не мало говоритъ въ нихъ о свѣтлыхъ сторонахъ жизни, о тѣхъ чистыхъ радостяхъ, которыя доставлялись ему любовью и дружбой близкихъ лицъ, о тѣхъ чудныхъ минутахъ, когда силою своею волшебнаго воображенія онъ уносился въ „царство лазури, свѣта, молодости и счастья“; но... все это было когда-то. Теперь не то...

«Настали темные, тяжелые дни. Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно, никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога»... Куда же ведетъ эта дорога? Что видно тамъ, впереди? Впереди—неизбѣжная, безпощадная смерть: «налетитъ она, махнетъ своимъ широкимъ, холоднымъ крыломъ и... конецъ»,—конецъ радостямъ и тревогамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Дальше—«темнота, темнота вѣчная»...

Что же дѣлать въ виду такого гнетущаго конца? «Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь.» Забыться? не глядѣть впередъ? Казалось бы, это—самое лучшее; но, къ сожалѣнію, забыться не такъ-то легко: жизнь своими—подчасъ тяжкими—ударами не допускаетъ до забытія, да если бы и удалось забыться, каково было бы пробужденіе, можетъ быть на краю могилы?!.. Жить постоянно подъ гнетущимъ страхомъ смерти, дрожать за себя, за своихъ близ-

кихъ, за свое дѣло, чувствовать надъ своей головой остріе Дамоклова меча—и не видѣть исхода изъ такого положенія, это—ужасное состояніе! Всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ И. С. Тургеневъ гнетущую тяжесть такого состоянія, и не мудрено, что чувствомъ глубокой грусти, по временамъ переходящей въ тоску, проникнуты „Стихотворенія въ прозѣ,“—эта лебединая пѣсня нашего великаго писателя.

Гдѣ же корень этого мрачнаго настроенія, отразившагося въ предсмертныхъ произведеніяхъ Тургенева? На какой почвѣ развилось проникающее ихъ грустное чувство?

Безъ сомнѣнія, причины этого настроенія, какъ и всякаго душевнаго, состоянія чрезвычайно сложны, и чтобы дать полный отвѣтъ на поставленные вопросы, нужно обратить вниманіе на характеристическія черты личности нашего писателя, на условія его жизни и дѣятельности, на его міровоззрѣніе и т. п. Я не буду вдаваться въ изслѣдованіе всѣхъ этихъ сложныхъ условій, опредѣлявшихъ душевное настроеніе Тургенева: это задачи біографическаго или литературно-историческаго изслѣдованія; я обращу Ваше вниманіе *на основы того міровоззрѣнія въ связи съ которымъ развивалось и которымъ поддерживалось мрачное настроеніе, проникающее собою „Стихотворенія въ прозѣ“*. Содержаніе ихъ представляетъ достаточно данныхъ для опредѣленія этого міровоззрѣнія.

Припомните „Стихотвореніе въ прозѣ“, озаглавленное „Природа“. „Мнѣ снилось,—разсказываетъ поэтъ,—что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Её всю наполнялъ какой-то тоже подземный ровный свѣтъ. По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу“. Это была сама природа. Съ благоговѣйнымъ страхомъ подошелъ къ ней поэтъ: онъ думалъ, что она размышляла о будущихъ судьбахъ человѣчества,—о томъ какъ ему дойти до возможнаго

совершенства и счастья; поэту казалось, что люди—ея любимыя дѣти. Но не такъ смотрѣла на дѣло величавая женщина.

— «Всѣ твари—мои дѣти, сказала она,—я одинаково о нихъ забочусь и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро.... разумъ...—пролепеталъ я (разсказываетъ поэтъ).

— Это—*человѣческія слова*,—раздался желѣзный голосъ,—я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ, мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся и—не мѣшай мнѣ!»

По смыслу этого „стихотворенія“, жизнь управляется мощною, но равнодушною къ добру и злу природой; въ основѣ міровой жизни лежатъ не нравственные, а физическіе законы,—законы слѣпой необходимости; одинъ изъ основныхъ законовъ, движущихъ жизнію, есть законъ борьбы за существованіе: каждое живое существо бьется изо всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свое жалкое и въ сущности никому ненужное существованіе, и рано или поздно погибаетъ въ этой тяжкой но неблагодарной борьбѣ. Всё это—основы *натуралистическаго* міровоззрѣнія.

Что же представляетъ собою человѣческая жизнь съ натуралистической точки зрѣнія? Въ отвѣтъ на это позвольте напомнить вамъ слѣдующую картину, нарисованную художническою кистью И. С. Тургенева.

„Вершины Альпъ... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорнъ.

И говоритъ Юнграфрау сосѣду:—Что скажешь новаго? Тебѣ виднѣй. Что тамъ, внизу?

Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ—одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ:—Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія—одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу. Тамъ, внизу, всё то же: пестро, мелко. Воды синѣютъ; чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скрученныхъ камней. Около нихъ всё еще копошатся козявки,—знаешь? тѣ двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да, люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ—одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ,—гремитъ Финстерааргорнъ,—яснѣе стало внизу; сузились воды; порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ—одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ,—ну, а тамъ вдали, по долинамъ, есть еще пятна и шевелится что-то.

— А теперь? — спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другіе тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ,—опрятно стало вездѣ, бѣло, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо промолвила Юнгфрау.—Однако довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора!

Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ всегда замолкшей землей“.

Холодомъ вѣетъ отъ этой картины! Среди непрерывнаго измѣненія и уничтоженія, только природа, равнодушная къ добру и злу, остается неизмѣнной: смѣняются человѣческія поколѣнія, а надъ землей всё также сіяетъ зеленое, свѣтлое небо, все также высятся надъ ней своими гордыми вершинами Юнгфрау и Финстерааргорнъ,—спокойныя, величавыя, неприступныя, а природа, не переставая, продолжаетъ свою созидательно-разрушительную работу: „она создаетъ, разрушая, и ей все равно, что она создаетъ и что разрушаетъ,—лишь-бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ". („Довольно" И. С. Тургенева). А тамъ, внизу, копошатся люди,—эти двуножки,—съ ихъ жаждою жизни, съ ихъ заботами о насущномъ хлѣбѣ, съ ихъ порывами въ міръ идеала, какъ будто добро и правда—не пустыя слова! Вѣдь природа, „безсознательно и неуклонно покорная законамъ, не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго". („Довольно"). И какимъ ничтожнымъ является человѣкъ въ сравненіи съ мощными силами природы! Какою жалкой представляется его жизнь, случайно возникшая и вотъ-вотъ готовая прекратиться!

Что значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!... Человѣкъ
Самъ по себѣ что значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ—
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... («Два міра» Майкова).

Великія построенія ума, возвышенныя созданія искусства, общественныя учрежденія—все это уничтожается безпощаднымъ временемъ, сокрушающимъ все безъ разбора: природа „такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ

на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла". („Довольно").

Если, такимъ образомъ, созданія величайшихъ геніевъ, двигавшихъ человѣческими мыслями, простиравшихъ свое вліяніе на цѣлые вѣка, обречены на уничтоженіе; то „что сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ труженикахъ, кто бы они ни были—государственные люди, ученые, художники? Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы, если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову? Зачѣмъ пойдутъ они на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко—и все такъ бѣдно и дрянно? Зачѣмъ, „съ изнеможеніемъ въ кости", поплетутся она въ этотъ міръ, гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь, и, оглушая самого себя собственнымъ крикомъ, каждый судорожно спѣшитъ къ неизвѣстной и непонятной ему цѣли?" („Довольно"). Такъ спрашиваетъ тургеневскій художникъ въ своемъ монологѣ-исповѣди „Довольно", но не находитъ отвѣта на эти вопросы. Это—понятно: что можно сказать на нихъ, оставаясь на почвѣ натуралистическаго міровоззрѣнія? Если міромъ управляютъ слѣпыя, стихійныя силы природы, то наша жизнь нечто иное, какъ „одна бродячая тѣнь; жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой-нибудь часъ на сценѣ, а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти; сказка, разсказанная безумцемъ, полная красокъ и яркости и не имѣющая никакого смысла" (см. „Довольно").

Вотъ основныя черты того міросозерцанія, въ связи съ которымъ развивалось и которымъ поддерживалось то грустное, даже тоскливое настроеніе, которымъ проникнуты „Стихотво-

ренія въ прозѣ“: это—міровоззрѣніе натуралистическое. Не разъ въ своихъ произведеніямъ возвращается Тургеневъ къ этому міровоззрѣнію: видно, что оно прочно укоренилось въ его умѣ, и все-таки—фактъ замѣчательный!—каждый разъ оно вызывало сознательные или несознательные протесты его духа! Вникнемъ въ смыслъ этихъ протестовъ.

Если жизнію управляютъ стихійныя силы природы, то разумъ, добро, справедливость—пустыя слова. Правда, есть цѣлый рядъ явленій въ человѣческой жизни, которыя мы оцѣниваемъ съ точки зрѣнія добра или правды, но по существу дѣла они не подлежатъ такой оцѣнкѣ, потому-что представляютъ такой же продуктъ игры слѣпыхъ силъ природы, какъ и всѣ прочія явленія въ области природы и жизни. Значитъ, разумъ, справедливость—это человѣческія слова, не заключающія въ себѣ реальнаго смысла. Таковы послѣдовательные выводы натуралистическаго взгляда на жизнь, съ такою правдивостью и тоскою отмѣченные Тургеньевымъ.—Но вѣдь вѣра въ реальный смыслъ этихъ словъ, вѣра въ добро и правду, вѣра въ нравственный міропорядокъ, господствующій во вселенной—эта вѣра неискоренимо живетъ въ человѣчествѣ. Вѣдь эта вѣра служила во всѣ времена внутреннею основой самыхъ благородныхъ, самыхъ возвышенныхъ проявленій человѣческаго духа: вѣдь эта вѣра дала міру Антигону, Сократа, христіанскихъ мучениковъ и исповѣдниковъ; вѣдь эта вѣра, вступая въ борьбу съ эгоистическими наклонностями человѣка, подвигала его на дѣла служенія ближнимъ: однихъ послала въ лазареты, другихъ—къ голодающимъ, третьихъ—къ „сицящимъ во тьмѣ и сѣни смертной“; вѣдь эта вѣра—и только она одна—прорѣзываетъ свѣтлымъ лучемъ глушь и муракъ нашей жизни. Никогда не умирала эта вѣра въ человѣчествѣ; свѣтъ и во тьмѣ свѣтится; не было такого момента, когда бы окончательно погасли въ человѣчествѣ проблески добра и правды. Когда пророкъ Илія, изнемогая въ борьбѣ съ нрав-

ственнымъ и общественнымъ зломъ, горько жаловался Господу на то, что оставили его сыны израилевы, Господь отвѣтилъ своему пророку: „есть 7000 мужей во Израили, которые еще не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ“...

Скажутъ: пусть такъ! пусть на всемъ протяженіи исторіи были такіе люди, которые непоколебимо вѣрили въ добро и правду и мужественно боролись со зломъ и неправдой; значитъ ли это, что добро и правда—не пустыя слова, что въ концѣ концовъ побѣда—за ними? Вѣдь Донъ-Кихотъ тоже непоколебимо вѣрилъ въ добро и правду, онъ тоже велъ борьбу во имя идеальныхъ началъ; однако его дѣятельность до сихъ поръ служитъ предметомъ смѣха. Не являются ли поборники добра и правды, вѣрящіе въ ихъ конечное торжество надъ зломъ и неправдой, родными братьями знаменитаго рыцаря печальнаго образа и не должны ли они поэтому раздѣлить съ нимъ и обильно выпадавшія на его долю насмѣшки?—Хорошо: допустимъ, что лица, непоколебимо вѣрящіе въ торжество добра, до нѣкоторой степени похожи на Донъ-Кихота; но развѣ въ Донъ-Кихотѣ нѣтъ сторонъ, заслуживающихъ уваженія?

По превосходному разъясненію И. С. Тургенева, Донъ-Кихотъ выражаетъ собой *вѣру*, „вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ, но доступную постоянству служенія и силѣ жертвъ. Донъ-Кихотъ проникнутъ весь преданностью идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнію; самую жизнь свою онъ цѣнитъ настолько, насколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины, справедливости на землѣ“. Пусть „идеалъ этотъ почерпнутъ воображеніемъ изъ фантастическаго міра рыцарскихъ романовъ; согласны,—и въ этомъ-то состоитъ комическая сторона Донъ-Кихота; но самый идеалъ остается

во всей нетронутой чистотѣ... Донъ-Кихотъ—энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяніемъ". Мы смѣемся надъ Донъ-Кихотомъ, потому что вмѣсто того, чтобы сражаться съ дѣйствительными врагами добра, онъ сражается съ вѣтряными мельницами и нападаетъ на ни въ чемъ неповинныхъ монаховъ; но мы уважаемъ, мы любимъ добраго Алонзо за то, что онъ дѣйствуетъ во имя добра и правды,—смѣшны *формы*, въ которыя облекаетъ Донъ-Кихотъ овладѣвшую имъ идею, но самая *идея* заслуживаетъ самаго искренняго уваженія, и чѣмъ болѣе людей, проникнутыхъ этой идеей, тѣмъ лучше... Скажутъ: не только Донъ-Кихотъ, но и вообще идеалисты, непоколебимо вѣрующіе въ торжество добра и правды, могутъ быть прекрасными людьми; ихъ преданность идеѣ можно признать заслуживающею симпатіи и уваженія; но ручается ли все это за то, что уцѣлѣютъ плоды ихъ дѣятельности: вѣдь природа, которая управляетъ міромъ, равнодушна къ истинѣ и лжи, къ добру и злу: она „такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла". Но такъ ли это? Вѣдь какъ ни широка и могущественна дѣятельность разрушительныхъ силъ природы, однако человѣчество до сихъ поръ хранитъ въ своей памяти имена Фидія и Софокла, Сократа и Антигона. Но пусть время изгладитъ всѣ *видимые* слѣды ихъ дѣятельности, пусть не останется ни одного обломка отъ фидіасовской статуи и ни одного клока софокловой рукописи; но и тогда не изгладится то добро, которое они внесли въ жизнь своимъ словомъ или дѣломъ. Чрезвычайно сложны тѣ причины, которыми обусловливаются тѣ или другія явленія въ человѣческой жизни; рядъ этихъ причинъ теряется въ непроницаемой дали прошлаго. Если бы мы могли обозрѣть это прошлое во всѣхъ его составныхъ элементахъ, чтобы опредѣлить во всемъ объемѣ причины су-

ществующаго добра, мы увидали бы въ составѣ этихъ элементовъ и мужественный подвигъ Атнигоны, и возвышенную проповѣдь Сократа. Да что я говорю объ Антигонѣ или Сократѣ?! Въ составѣ этихъ элементовъ, подготовившихъ ту сумму добра, которою пользуется наше поколѣніе, мы увидали бы каждое доброе дѣло, каждое доброе слово. Не даромъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ о благородномъ, одушевленномъ словѣ въ стихотвореніи, обращенномъ къ поэту:

Уронишь ты его не даромъ:
Оно чужую грудь прожжетъ,
Въ нее, какъ искра, упадаетъ,
А въ ней пробудится пожаромъ. (Веневитиновъ).

Вы, безъ сомнѣнія, хорошо помните и искренно любите героя одного изъ Тургеневскихъ романовъ, Михалевича, идеалиста сороковыхъ годовъ, который и среди жизненныхъ испытаній сохранилъ свои юношески-бодрые и возвышенные идеалы. Всего одну ночь проговорилъ онъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ Лаврецкимъ,—и тотъ, послѣ этой искренней бесѣды почувствовалъ замѣчательный подъемъ духа. Своимъ искреннимъ задушевнымъ словомъ Михалевичъ внесъ новый элементъ въ ту сумму блага, которая дѣлаетъ сносной человѣческую жизнь. Уже и этихъ соображеній достаточно, чтобы усомниться въ могуществѣ сокрушительныхъ силъ природы по отношенію къ добру; но исторія знаетъ въ этой области такой выдающійся фактъ, который представляетъ собою непоколебимую опору для вѣры въ могущество добра, это—распространеніе христіанства. Въ самомъ дѣлѣ: галилейскіе рыбаки разошлись въ разныя стороны вселенной, чтобы проповѣдывать о крестѣ, который для іудеевъ былъ соблазномъ, а эллинамъ прямо-таки казался безуміемъ; противъ нихъ встали и общественное мнѣніе, и правительственная власть; языческая наука собрала свои силы, чтобы противо-

дѣйствовать распространенію евангелія. Но слово вѣры и любви пробило всѣ эти преграды и покорило себѣ міръ. Конечно, и теперь много враговъ креста Христова, но даже между лицами, не принимающими христіанскаго вѣроученія, есть такія лица, которыя преклоняются предъ нравственной чистотой образа Христа Спасителя и признаютъ, что лучшими своими элементами современная европейская культура обязана вліянію христіанства... Итакъ, что же? сказать ли, что добро и правда—пустыя слова, правда, возвышенныя, благородныя, но не имѣющія реальнаго смысла, или же признать ихъ вѣчнодѣйствительнными созидательными силами? Въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ", а особенно въ „Довольно" звучитъ сомнѣніе въ ихъ могуществѣ, но было время, когда Тургеневъ въ задушевныхъ словахъ исповѣдалъ свою вѣру въ могущество добра. «Все пройдетъ, все исчезнетъ,—говоритъ онъ въ своей рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ,—высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній—все разсыплется прахомъ...

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ...

Но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; они долговѣчнѣе самой сіяющей красоты: все минется—говорилъ апостолъ,—одна любовь останется!» Такъ говоритъ Тургеневъ въ 1860 г., но и послѣ не перестаетъ звучать въ его произведеніяхъ этотъ свѣтлый мотивъ; онъ слышится даже въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ": „любовь сильнѣе смерти и страха смерти",—читаемъ въ одномъ изъ этихъ стихотвореній („Воробей"), а другое изъ нихъ поэтъ, сказавшій-было свое горькое «довольно!», заканчиваетъ бодрыми словами: «нѣтъ, мы еще повоюемъ»!.. Видно, трудно было мириться нашему писателю, такъ много и честно поработавшему для блага своей работы,—мириться съ тѣми безотрадными выводами, къ которымъ приводитъ натуралистическое міросозерцаніе. Скажемъ болѣе: невозможно человѣку помириться съ этими выводами, потому

что это значило бы отказаться отъ всего того, что есть высокаго и святого въ этомъ мірѣ,—это значило бы отказаться отъ самой жизни,—по крайней мѣрѣ, отъ *человѣческой* жизни. Отнимите у человѣка вѣру въ могущество правды и добра, въ существованіе нравственнаго міропорядка,—и тогда ослабѣетъ нравственная энергія человѣка, тогда имъ окончательно овладѣютъ эгоистическіе мотивы, и наступитъ такой порядокъ жизни, когда закономъ человѣческихъ отношеній будетъ гоббесовское: „bellum omnium contra omnes (война всѣхъ противъ всѣхъ)", теперь, къ счастію, далеко не обнимающее всѣхъ явленій человѣческой жизни. Не значитъ ли это, что добро и правда—не пустыя слова, а великія нравственно-созидательныя силы, непрерывно дѣйствующіе въ мірѣ?

Итакъ, что же? Натуралистическое міровоззрѣніе, послѣдовательно проведенное, неизбѣжно приводитъ къ тому выводу, что добро и правда—пустыя слова, что о существованіи нравственнаго міропорядка, не можетъ быть рѣчи, а между тѣмъ вѣра въ существованіе этого міропорядка неискоренимо живетъ въ человѣческомъ духѣ, а между тѣмъ добро и правда являются могучими силами, которыя въ теченіе многихъ тысячелѣтій сдерживаютъ напоръ враждебныхъ силъ. Что же это значитъ? Какъ объяснить живучесть вѣры въ добро и правду, какъ объяснить ихъ фактическое могущество? Какъ объяснить тотъ фактъ, что „свѣтъ и во тьмѣ свѣтится"? Думаю, что натуралистическое міровоззрѣніе едва ли въ состояніи разрѣшить эти вопросы; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ только отмѣтить тотъ фактъ, что, не смотря на могущество стихійныхъ силъ природы, совершенно безразличныхъ по отношенію къ добру и злу, въ мірѣ дѣйствуютъ и нравственныя силы, что хотя человѣкъ—по этому міровоззрѣнію—и представляетъ продуктъ игры слѣпыхъ сихъ природы, однако онъ вѣритъ въ свое высшее предназначеніе. Дѣйствительно, И. С. Тургеневъ съ обычною добросовѣстностью

и силой отмѣчаетъ этотъ поразительный фактъ: „каждый,—говоритъ онъ,—болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному, и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи и для мгновенья. Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!“ («Довольно»). Но вѣдь недостаточно только указать на это противорѣчіе человѣческой природы и жизни, недостаточно отмѣтить тотъ фактъ, что человѣкъ, сидя въ грязи, тянется къ небу; нужно *объяснить*, почему же это онъ, сидя въ *грязи*, тянется *къ небу*. Натуралистическое міровоззрѣніе оказывается безсильнымъ въ разрѣшеніи этой загадки, а потому мы должны поискать иной точки зрѣнія, которая давала бы возможность найти ея рѣшеніе. Такую точку зрѣнія и даетъ намъ *нравственно-телеологическое* міросозерцаніе, высшее выраженіе котораго находимъ въ *христіанствѣ*: будучи свободнымъ отъ тѣхъ противорѣчій и безотрадныхъ выводовъ, къ которымъ неизбѣжно приводитъ натуралистическое міросозерцаніе, христіанскій взглядъ на жизнь одинаково удовлетворяетъ и требованіямъ ума, и влеченіямъ сердца.

(*Окончаніе будетъ*).

Къ вопросу о самообразованіи сельскаго духовенства.

Ясно до очевидности, что сельскому духовенству больше чѣмъ кому-либо потребно самообразованіе. Самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ семъ случаѣ будетъ высокая идея пастырства. Выполнить требуемое долгомъ священства и удовлетворить предъявляемые временемъ запросы къ духовенству—сіе послѣднее можетъ только подъ непремѣннымъ условіемъ воз-

можно широкаго образованія. Избранные счастливцы получаютъ возможность достигнуть такого образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ предлагается послѣднее слово науки по изучаемымъ предметамъ, но главное—даются всѣ условія довести развитіе душевныхъ силъ до той степени, когда человѣку легче оріентироваться во всякаго рода вопросахъ. Сельское духовенство почти во всемъ своемъ составѣ— люди, вышедшіе, по окончаніи или еще до окончанія курса, изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Какъ же ему дойти до потребнаго уровня развитія, какъ не путемъ самообразованія? Какъ ему по крайней мѣрѣ удержаться въ интересахъ интеллектуальныхъ и не подвергнуться душевному застою съ неизбѣжнымъ подчиненіемъ затѣмъ грубому матеріализму? Одинъ отвѣтъ—при помощи самообразованія. Умѣстно замѣтить, что застой въ развитіи и полное подчиненіе житейской злобѣ между нами, сельскими пастырями такъ же допустимы, какъ и упомянутое высокочтимымъ о. редакторомъ въ новогодней бесѣдѣ обстоятельство, что между людьми церковными иногда меньше можно замѣчать благоговѣнія, чѣмъ между мірянами.

Но какъ же взяться за столь необходимое самообразованіе? Конечно, недостаточно указать: что намъ нужно (впрочемъ, спасибо и за это); для вѣрнѣйшаго успѣха нужно знать и способы достиженія нужнаго.

Вѣрна мысль о. Стельмашенко (статья о самообраз. сельскаго духовенства № 2 «Епарх. Вѣд.» за 1899 г.), что для насъ, сельскихъ пастырей, книга является единственнымъ средствомъ на пути къ самообразованію. Но способы пріобрѣтенія книги и пользованія ею, указанныя о. Стельмашенко, неудобопримѣнимы на практикѣ. Правда, если исходить изъ той точки зрѣнія, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, то и за благочинническими библіотеками придется признать извѣстную долю пользы и относительное значеніе. Понятно значе-

ніе тѣхъ библіотекъ, которыя представляютъ больше удобствъ и выгодъ, чѣмъ неудобствъ въ пользованіи содержащимися въ нихъ книгами. Таковы библіотеки при учебныхъ заведеніяхъ и частныя городскія; когда захотѣлъ, тогда пришелъ; не получилъ книги сегодня,—получишь завтра или послѣ завтра. Но благочинническія библіотеки никакъ не могутъ быть сравнены съ указанннымъ типомъ библіотекъ. Если даже и въ центрѣ округа помѣстить благочинническую библіотеку, то весьма часто разстояніе между окраинами округа и этимъ центромъ будетъ верстъ 20—15; часто не наѣздишься. Далѣе: несправедливо брать изъ своей церкви деньги на покупку книгъ и журналовъ для другой церкви (вѣдь благочинническая библіотека должна же быть при какой-нибудь церкви округа), лишая чрезъ это самое приходскую церковь возможности въ должной мѣрѣ пополнять свою библіотеку.

Думается, что съ большимъ удобствомъ покупку книгъ и жуналовъ можно было бы поставить такъ, чтобы каждая церковь, затрачивая ежегодно отъ 8—12 рублей, пріобрѣтала книги или журналы въ свою библіотеку; при этомъ предварительно нужно настоятелямъ церквей условиться, что кому выписывать. Такимъ образомъ, въ округѣ будетъ пріобрѣтено книгъ и журналовъ на сумму до 200-тъ рублей ежегодно. Указанный мной способъ пріобрѣтенія книгъ и журналовъ имѣетъ тѣ удобства, что, во-первыхъ, солиднѣе будутъ пополняться библіотеки церковныя и, во-вторыхъ, священники непремѣнно будутъ имѣть подъ рукой хоть что-нибудь всегда. Что же касается тѣхъ удобствъ, какія могла бы дать духовенству въ пользованіи книгами благочинническая библіотека, то они будутъ и здѣсь, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ.

Если бы моему сосѣду одному—другому захотѣлось въ извѣстное время почитать выписываемыя мной изданія, то ему уже не представится надобности ѣхать за этими изданіями туда, гдѣ имѣется благочинническая библіотека.—По

взаимному соглашенію всего окружного духовенства, можно бы установить способы пользованія или обмѣна книгами.

Теперь вопросъ сводится къ тому, что же именно должно выписывать духовенство для своего самообразованія? Не претендуя на точное опредѣленіе, выскажу по сему вопросу такія соображенія.

Священникъ прежде всего—стражъ религіи. Ясность пониманія доступныхъ человѣческому разумѣнію религіозныхъ истинъ у священника должна быть такова, чтобы онъ могъ легко и свободно излагать эти истины пасомымъ и всякому вопрошающему. Здѣсь, значитъ, требуются книги и журналы богословскаго характера,—въ частности по богословіямъ: догматическому, основному, нравственному.

Вопросы богословскіе, религіозные—вопросы міровые и, какъ таковые, имѣютъ соприкосновеніе съ вопросами философскими. Отсюда потребность въ книгахъ философскаго содержанія.—Стоя на стражѣ религіи, священникъ долженъ быть и патріотомъ, носителемъ и проповѣдникомъ любви къ Царю и отечеству. Это чувство сознательно воспитывается путемъ чтенія книгъ историческихъ и, главнымъ образомъ, сочиненій по исторіи Россіи въ ея внутренней и внѣшней жизни.

Не чужды священнику должны быть и книги бытописательныя, содержащія въ себѣ повѣсти и разсказы лучшихъ писателей,—словомъ, лучшее изъ того, что носитъ названіе литературы въ тѣсномъ смыслѣ,—потому что въ нихъ изображается полнота человѣческой жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ и, главнымъ образомъ, направленіе душевной жизни. Пастырь и духовникъ долженъ быть съ этимъ знакомъ.—Міръ Божій преисполненъ поразительныхъ физическихъ явленій. Старая истина, но рѣдко въ душѣ сознаваемая, что въ явленіяхъ видимаго міра открывается величіе

Божіе. Все, относящееся къ уясненію законовъ природы, интересное само по себѣ, пріобрѣтаетъ еще большій интересъ для истолкователя религіи, назначенія человѣка и отношеній Бога къ человѣку. Нужны, значитъ, книги по крайней мѣрѣ по физикѣ.—Географія весьма и весьма пригодна для священника. Запасъ свѣдѣній по сему предмету, получаемый въ духовномъ училищѣ, слишкомъ малъ, да, сверхъ сего, онъ, не возобновляемый, съ лѣтами совершенно исчезаетъ изъ головы. Школа и проповѣдничество требуютъ отъ насъ тоже не малой доли самодѣятельности. Литература по этимъ предметамъ свою долю пользы принесетъ.

Вотъ краткій конспектъ необходимѣйшихъ, по моему разумѣнію, для самообразованія сельскаго духовенства наукъ.

Безспорно, что всякое дѣло идетъ успѣшнѣе, если оно дѣлается по напередъ обдуманной и опредѣленной системѣ. То же самое нужно сказать и о самообразованіи, если только имѣть въ виду истинное самообразованіе, а не «схватываніе верховъ» или, что то же, желаніе и стремленіе бесѣдовать обо всемъ безъ основательныхъ познаній о чемъ бы то ни было. Система должна быть въ подборѣ и распредѣленіи литературы по извѣстнымъ вопросамъ, назначаемой для чтенія.

Если бы только сельское духовенство серьезно задумало взяться энергично за дѣло самообразованія, то ему много могли бы помочь представители науки въ духовной Академіи. Почти всѣ поименованные предметы для самообразованія духовенства изучаются и въ Академіяхъ. Широкая и основательная компетенція профессора въ литературѣ преподаваемаго имъ предмета помогла бы, смѣемъ пріятно надѣяться, намъ разобраться въ той массѣ книгъ и журналовъ, какая предлагается каталогами и рекламами издателей. Указанія представителей науки, какія книги, разумѣется — доступныя по ясности изложенія нашему пониманію, и журналы пригодны для основательнаго изученія взятой области знаній,—были бы

всегда желательны, даже если бы и не было коллективнаго стремленія духовенства къ самообразованію.

Въ такомъ видѣ мнѣ представляется немаловажное и благовременное дѣло самообразованія сельскаго духовенства. Представляется, конечно, безъ деталей и надлежащей обработки, такъ сказать, въ наброскѣ. Симпатичнѣйшая мысль о. Стельмашенко о потребности сомообразованія для сельскаго духовенства заслуживаетъ того, чтобы обсудить её очень обстоятельно и отъ слова перейти безъ оттягиваній къ дѣлу.

Не могу не выразить и я искренняго сожалѣнія, что у насъ духовенство не устраиваетъ собраній съ спеціальной цѣлію обмѣна мыслей по вопросамъ ли служебной практики, или же по вопросамъ вообще духовнаго міросозерцанія. Такія собранія могли бы освѣжить и оживить умственный кругозоръ духовенства и наполнить цѣннымъ содержаніемъ обычное времяпровожденіе. Достойное сожалѣнія явленіе въ нашей жизни: находимъ возможнымъ устраивать хоть изрѣдка вечера, балы съ неизмѣнными танцами и переливаніемъ «изъ пустого въ порожнее»,—а между тѣмъ собраться съ тѣмъ, чтобы заняться чѣмъ-нибудь содержательнѣе, не находимъ удобнымъ. Вѣрно,—на такихъ собраніяхъ своихъ ученыхъ рефератовъ мы читать не будемъ, за то съ пользой и пріятностью для себя можемъ прочесть и посильно обсудить что-нибудь интересное изъ книжекъ и журналовъ, можемъ поговорить объ интересующемъ насъ предметѣ и справиться съ мнѣніемъ другихъ. Періодическія, правильно поставленныя собранія сельскаго духовенства были бы еще и въ томъ отношеніи полезны, что на нихъ можно было бы обмѣниваться выписываемыми книгами и журналами.

Свящ. *Николай Дробницкій.*

Подпольные листки въ народѣ.

Число школъ, а вмѣстѣ съ ними и ростъ умственнаго развитія народа съ каждымъ годомъ быстро идутъ на повышеніе. Въ результатѣ получается значительный, по сравненію съ прежними годами, процентъ грамотности въ народѣ.—Явленіе это, съ точки зрѣнія христіанской религіи, должно быть признано отраднымъ и весьма желательнымъ, ибо только при условіи правильнаго развитія народнаго самосознанія и всеобщей грамотности можетъ разсѣяться то невѣжество, которое такъ господствуетъ во взглядахъ на жизнь у большинства неграмотныхъ крестьянъ.

Но, къ сожалѣнію, эта грамотность и этотъ общій подъемъ умственнаго развитія стали въ послѣднее время предметомъ эксплоатаціи со стороны агентовъ всевозможныхъ религіозныхъ общинъ для своихъ пропагаторскихъ цѣлей.

Кому неизвѣстенъ типъ такъ называемыхъ «коробейниковъ»? Кто не наблюдалъ, какъ они бѣгаютъ по селамъ и предлагаютъ крестьянамъ на людныхъ улицахъ свои товары?—Повидимому, всѣ они горькіе труженики, вынужденные ношеніемъ коробки добывать себѣ кусокъ хлѣба... Но прослѣдите за ихъ торговлей въ болѣе глухихъ уголкахъ деревни, удаленной отъ церкви и сельскихъ властей, постарайтесь узнать, на какую тему заводятъ они разговоры съ крестьянами, когда у послѣднихъ останавливаются на ночлегъ—и вы убѣдитесь, что многіе изъ нихъ волки въ овечьей шкурѣ, что это тайные агенты, или, правильнѣе сказать, книгоноши разныхъ сектантскихъ общинъ. Такой характеръ дѣятельности приходилось наблюдать намъ въ Кіевскомъ уѣздѣ,—то же замѣчается за нѣкоторыми «коробейниками» и въ Черкасскомъ уѣздѣ.—При осмотрѣ товаровъ «коробейника», вы не найдете у него ничего подозрительнаго: иглы, нитки, гребни,

тесьма и тому подобная мелочь; иногда, впрочемъ, попадаются календари, оракулы и всякого рода сонники. Но загляните въ нижнее отдѣленіе коробки, если она дѣйствительно принадлежитъ тайному книгоношѣ,—просмотрите тѣ брошюры и листки, какіе тамъ найдутся.—и для васъ станетъ понятнымъ, что этотъ «коробейникъ» дѣйствительный членъ какой нибудь религіозной общины, что коробка, иглы, нитки и прочіе товары—только предлогъ и оправданіе для хожденія въ народъ.

Не такъ давно одинъ изъ такихъ коробейниковъ книгоношъ прошелъ чрезъ Каневскій и Черкасскій уѣзды и безплатно раздавалъ довѣрчивымъ крестьянамъ листки, получившіе извѣстность въ народѣ подъ общимъ названіемъ «святого письма». Листки эти появились въ народѣ въ концѣ минувшаго Декабря и своимъ грознымъ содержаніемъ произвели на слушателей и читателей сильное впечатлѣніе. Таинственность, съ какою передаютъ содержаніе «святого письма» другъ другу и тѣ награды, какія обѣщаетъ авторъ обладателямъ сего небеснаго посланія, побудили многихъ крестьянъ пріобрѣсти «святый лыстъ» и даже породили недоумѣніе на счетъ того, не подобаетъ ли и въ самомъ дѣлѣ чтить субботній день, какъ того требуетъ «приказаніе святаго письма».

Послѣднее написано у всѣхъ крестьянъ на листѣ обыкновенной писчей бумаги и часто украшается всевозможными виньетками.

Содержаніе этого летучаго листка нижеслѣдующее:

„Святое письмо".

«Сіе письмо найдено въ Британской землѣ, на горѣ Текверѣ, подъ образомъ Святаго Архистратига Михаила. Сказано, кто хотѣлъ его прочитать или списать, тому оно само растворялось, и было оно написано золотыми буквами въ слѣдующихъ словахъ»: Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога жи-

ваго приказываю вамъ силою Своего Божества, чтобы въ день субботній почитали Меня, ибо Я далъ вамъ шесть дней дѣлать, а седьмой день посвятить на то, чтобы молиться вамъ за блага, данныя Мною, чтобы Господь Богъ научилъ васъ, чему и какъ имѣете вѣровать.

Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго сіе писалъ Самъ Своею рукою, чтобы на семъ свѣтѣ вели себя хорошо, а ежели исполнять не будете того, что Я приказываю, то накажу васъ огнемъ неугасимымъ, войной несчастною, смертію наглою, и если послѣ сего не исполните Моихъ повелѣній, то не избѣжитъ васъ наказаніе чрезъ кровопролитіе: буду судить васъ и наказывать громомъ, молніей, засухою и неурожаемъ и напущу на васъ черныхъ мухъ, которыя наполнять васъ ядомъ. Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго повелѣваю вамъ не работать въ Субботу для умоленія Матери Моей, ибо, если бы Она не молилась за васъ, то вы бы давно погибли всѣ, и посему въ этотъ день, какъ праздничный, на молитву собирайтесь и дорогою, идучи, другъ другу исповѣдайте свои грѣхи, которыми прогнѣвляли Владычнее Мое Имя. А кто этому не повѣритъ, тотъ будетъ проклятъ и напослѣдокъ въ адскомъ огнѣ сгоритъ на вѣки. И Я приказываю вамъ: который человѣкъ сіе письмо будетъ имѣть при себѣ и давать другому читать или списывать, тотъ, если имѣетъ столько грѣховъ, сколько въ морѣ песку, на землѣ травы, на небѣ звѣздъ, будетъ прощенъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ. А кто будетъ имѣть при себѣ и запретитъ читать и переписывать другимъ или его не въ чистотѣ держать, тотъ да будетъ проклятъ для Царствія Божія.

Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго приказываю всѣмъ вѣрить сему письму. А письмо сіе посылается вамъ святымъ Пантелеймономъ. Оно имѣетъ великую силу противъ непріятельства, и ежели кто его съ вѣрою читаетъ, то получаетъ на сто (№ 100) дней отпущеніе грѣховъ и такому че-

ловѣку ни одинъ врагъ не повредитъ; а беременная женщина, которая будетъ имѣть при себѣ это письмо, легко родитъ и будетъ дитя ея счастливое, во всю жизнь.—Слава, слава Богу, Аминь.

Содержаніе этого «святаго письма» ясно опредѣляетъ тѣ цѣли, какія оно преслѣдуетъ, а равно и то, откуда оно исходитъ.

Свящ. *М. Стельмашенко.*

Извѣстія и замѣтки.

Архіерейскія богослуженія. 6-го апрѣля въ трапезной Лаврской церкви по случаю отпѣванія іеросхимонаха Кіево-Печерской Лавры Николая литургію совершалъ преосвященный Димитрій, епископъ чигиринскій, а отпѣваніе и преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій; надгробное слово произнесъ инспекторъ академіи архимандритъ Платонъ; предавалъ тѣло землѣ и провожалъ до Ѳеодосіевской церкви на Печерскѣ преосвященный Сергій, епископъ уманскій.

15 апрѣля въ великій Четвертокъ литургію и чинъ „омовенія ногъ“ въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Сергій, епископъ уманскій.

16 апрѣля въ В. Пятокъ вечерню и выносъ плащаницы въ каѳедральномъ Софійск. соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій.

18 апрѣля Пасхальную утреню и послѣ оной литургію совершалъ преосвящен. Сергій, епископъ уманскій.

23 апрѣля въ день рожденія Государыни Императрицы литургію и молебенъ въ каѳедральн. соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій; преосвященные

Сергій и Димитрій литургію и молебенъ совершали въ своихъ монастыряхъ.

27 апрѣля въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича литургію въ каѳедральномъ соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій, а молебенъ и преосвященный Сергій, епископъ уманскій; преосвященный Димитрій, епископъ чигиринскій, литургію и молебенъ совершалъ въ своемъ монастырѣ.

1 мая въ день памяти священномученика Макарія литургію въ каѳедральн. Софійск. соборѣ совершалъ преосвящ. Сильвестръ, епископъ каневскій, а молебенъ съ обнесеніемъ св. мощей вокругъ собора совершалъ преосвящен. Модестъ, архіепископъ волынскій и житомирскій и всѣ три преосв. викаріи.

2 мая всенощную въ трапезной лаврской церкви съ литіею вокругъ В. церкви совершалъ преосвященный Сергій, епископъ уманскій.

3 мая литургію въ трапезной лаврской церкви совершалъ преосвящен. Модестъ, архіеписк. волынскій и житомирскій, а молебенъ и преосвященные викаріи Сильвестръ, епископъ каневскій, и Димитрій, епископъ чигиринскій.

6 мая въ день рожденіи Государя Императора литургію въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій, а молебенъ и преосвященный Сергій, епископъ уманскій; преосвященный Димитрій, епископъ чигиринскій, литургію и молебенъ совершалъ въ своемъ монастырѣ.

14 мая въ день коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ литургію въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій, а молебенъ и преосвященный Сергій, епископъ уманскій; преосвященный Димитрій, епископъ чигиринскій, литургію и молебенъ совершалъ въ своемъ монастырѣ.

16 мая во Владимірскомъ соборѣ литургію и молебенъ Кириллу и Меѳодію совершалъ преосвященный Сергій, епископъ уманскій, въ сослуженіи съ членами Кіевскаго славянскаго благотворительнаго комитета священнаго сана, за богослуженіемъ присутствовали предсѣдатели и свѣтскіе члены Комитета; слово произносилъ свящ. Тихоміровъ; въ соборѣ были собраны всѣ ученики и ученицы Кіевскихъ церк.-прих. школъ съ своими учителями и учительницами, дѣти пропѣли за литургіей „входное"—Задостойникъ Пасхи, Символъ вѣры и „Отче нашъ" и весь молебенъ св. Первоучителямъ.

Освященіе мѣста для новыхъ зданій Кіевской дух. семинаріи.

Двадцат седьмого апрѣля въ $12^1/_2$ час. дня состоялось съ благословенія Владыки Митрополита, торжественное освященіе мѣста для новыхъ зданій Кіевской духовной семинаріи на „Кудрявцѣ",—урочищѣ, принадлежащемъ Кіевскому митрополитанскому дому. Мѣстность эта представляетъ изъ себя высокую гору, довольно далеко вдающуюся и возвышающуюся надъ разстилающимся внизу „Подоломъ". Видъ съ „Кудрявца" на Заднѣпровье—прекрасный, ссобенно съ лѣвой стороны; съ правой-же стороны Днѣпръ заслоненъ горою, принадлежащею Флоровскому монастырю, и только какъ-бы на мгновенье онъ вновь вырывается и дѣлается видимымъ съ своею роскошною долиною между горою Флоровскаго монастыря и Андреевскою церковью. „Кудрявецъ" уединенъ и образуетъ собою какъ бы полуостровъ среди окружающей мѣстности, съ которой соединенъ узкимъ небольшимъ взгорьемъ, составляющимъ въѣздъ на него. Отъ сосѣдней усадьбы, весьма обширной, по фасаду, въ застроенной части послѣдней, отдѣленъ погостомъ, принадлежавшимъ Вознесенской церкви, а теперь отданнымъ въ пользованіе будущей семи-

наріи. Съ лѣвой стороны „Кудрявца" (если лицомъ стать къ Днѣпру) идетъ Вознесенскій (Илларіоновскій) спускъ, представляющій изъ себя круто-понижающуюся ложбину.

Освященіе этаго обширнаго урочища состоялось при весьма благопріятной погодѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ Петро-Павловской семинарской церкви къ мѣсту освященія чрезъ Житній базаръ и по Вознесенскому спуску направился крестный ходъ во главѣ съ о. ректоромъ семинаріи архимандритомъ Іоанникіемъ. При входѣ на „Кудрявецъ" эта процессія была встрѣчена преосвященнымъ Сергіемъ и прибывшимъ къ этому времени духовенствомъ стараго города. Къ началу молебна прибыли благочинные кіевскихъ церквей, много духовенства, строительная коммиссія, преподаватели и воспитанники семинаріи и масса публики. На молебствіи присутствовалъ г. начальникъ губерніи Ѳ. Ѳ. Треповъ. По совершеніи чина малаго освященія воды провозглашены были многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту Кіевскому и Галицкому, преосвященнымъ Сергію и Димитрію, градоначальникамъ и военачальникамъ, духовенству Кіевской епархіи и начальствующимъ, учащимъ и учащимся. По окончаніи молебна была окроплена св. водою вся мѣстность, предназначенная подъ постройки, и преосвященный Сергій сказалъ воспитанникамъ семинаріи рѣчь о важности того служенія, къ которому они готовятся, и о тѣхъ средствахъ, которыми они должны пользоваться.

Освященіе новаго школьнаго зданія въ предмѣстьи г. Умани Св.-Троицкой церкви.

Рѣдкое торжество выпало на долю Троицкаго прихода предм. г. Умани. Въ немъ 2-го февраля сего года совершено

было освященіе новаго зданія церковно-приходской школы. Новое зданіе ц.-пр. школы, вполнѣ отвѣчающее своему назначенію, просторно, вмѣстимостью на 200 учениковъ, свѣтло, на каменномъ фундаментѣ и подъ желѣзной крышей. Сознаніе необходимости постройки новаго зданія явилось у прихожанъ потому, что прежнее зданіе, хотя не совсѣмъ еще старое, построенное лѣтъ 14 тому назадъ, не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться въ немъ. Новое зданіе имѣетъ въ длину 28 ар., въ шир. 14 ар., въ высоту 6 арш.: въ немъ двѣ классныхъ комнаты и помѣщеніе для учителя въ двухъ комнатахъ съ кухней. Общество прихожанъ устроило его на свои личныя средства, 3000 р. с., безъ всякой посторонней помощи и пособія со стороны Епархіальнаго училищнаго Совѣта. При обозрѣніи церкви и прихода, въ 1898 г. октября 11-го удостоилъ это зданіе своимъ посѣщеніемъ и Преосвященнѣйшій Сергій, епископъ уманскій, и повидимому остался имъ доволенъ.

Освященіе новаго зданія школы совершалъ завѣдующій школою приходскій священникъ съ мѣстнымъ причтомъ при пѣніи мѣстнаго хора, состоящаго изъ учениковъ школы и взрослыхъ прихожанъ. По окончаніи божественной литургіи 2-го февраля, совершенъ былъ изъ церкви въ новое зданіе школы крестный ходъ: въ немъ приняли участіе всѣ бывшіе въ церкви богомольцы, во главѣ съ попечителемъ школы, не смотря на большую въ то время непролазную грязь. Освященіе совершено по чину освященія новаго дома, при чемъ предъ отпускомъ завѣдующимъ школою сказана приличная случаю рѣчь съ приглашеніемъ, по окончаніи, ея помолиться за Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Александровича, да подъ державою Его процвѣтаетъ народное образованіе въ духѣ Православной вѣры, русской народности и преданности царю и отечеству, а также и за Возстановителя церковныхъ школъ Императора Александра III-го.

По отпускѣ мѣстнымъ діакономъ провозглашено многолѣтіе Государю Императору, супругѣ Его, Наслѣднику и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и первенствующему члену онаго Высокопреосвящ. Іоанникію и Преосвящ. Сергію, епископу уманскому, учащимъ и учащимся и устроителямъ школы,—и затѣмъ—вѣчная память Императору Александру III-му; при пѣніи вѣчной памяти всѣ молились колѣнопреклоненно.

Свящ. *Іаковъ Сташевскій.*

Рѣчь, сказанная при освященіи новаго зданія церковно-приходской школы предмѣстья г. Умани, Св.-Троицкой церкви.

Бр., всѣ мы только временные жители на землѣ. Истинное же наше жилище на небѣ; туда мы должны стремиться всѣми силами своей души и въ теченіе этой земной жизни готовиться туда. Тамъ насъ ожидаетъ или вѣчное блаженство, или вѣчное мученіе. Кто жилъ на землѣ свято, исполнялъ Божьи заповѣди, того ожидаетъ блаженство; а кто не исполнялъ Божьихъ заповѣдей и даже не зналъ ихъ, а жилъ лишь по своей волѣ, тотъ будетъ вѣчно мучиться въ аду. Многіе, пожалуй, будутъ оправдываться тѣмъ, что они люди темные (не грамотные) и потому и не знали Божьихъ заповѣдей и не исполняли ихъ. Но если невѣдѣніемъ (незнаніемъ) законовъ земныхъ, государственныхъ, никто не оправдывается, а всякій преступникъ таковыхъ, сообразно его преступленію, наказывается; то тѣмъ болѣе не оправдается предъ Богомъ незнаніемъ Его святаго закона всякъ живый (т. е. человѣкъ). Каждый православный христіанинъ долженъ знать истины своей Вѣры: что такое святая Тройца? Какое она имѣетъ отношеніе къ людямъ? Что сдѣлалъ для людей Іисусъ Христосъ и пр.—Христіанинъ долженъ укрѣпляться въ надеждѣ на Бога посредствомъ разумной сердечной молитвы къ Нему.

Между тѣмъ многіе изъ насъ не знаютъ молитвъ самыхъ общеупотребляемыхъ и значенія ихъ не понимаютъ. Пріиметъ ли Богъ отъ нихъ молитву, когда Онъ требуетъ, чтобы люди ему молились сознательно. Пойте Богу нашему, пойте разумно: говоритъ Слово Божіе.

Благодареніе Господу Богу, для просвѣщенія народной тьмы религіозной, по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III-го возникли на Руси церковно-приходскія школы, къ числу каковыхъ принадлежитъ и наша. Онѣ имѣютъ цѣлію воспитывать дѣтей въ духѣ Православной вѣры, русской народности и преданности царю и отечеству. Въ церковно-приходской школѣ преподается, главнымъ образомъ, Законъ Божій, читаются на церковномъ языкѣ Евангеліе, Псалтырь, Часословъ съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій; такимъ образомъ, школа имѣетъ тѣсную связь съ церковью и помогаетъ христіанину изучать свою Православную вѣру и понимать богослуженіе. О важности такого направленія церковно-приходской школы митрополитъ Московскій Владиміръ въ рѣчи, при освященіи зданія для таковой школы, сказалъ: „Быть можетъ думаютъ, что нѣтъ различія между церковной и гражданской школой? Различіе есть. Дѣти гражданскихъ школъ чатали сказки, прибаутки, разсказы изъ народнаго быта, пѣли пѣсни—все въ чисто гражданскомъ духѣ. Даже Евангеліе читали по гражданской печати. А между тѣмъ есть ли и можетъ ли что быть лучше и полезнѣе чтенія св. книги Псалтыря пророка Давида? Эта книга поистинѣ есть лучшее, ничѣмъ не замѣнимое чтеніе; она способна питать духъ во всѣхъ случаяхъ, въ печали и радости. Задача церковной школы и состоитъ въ томъ, чтобы церковность возможно болѣе приблизить къ познанію человѣка, чтобы онъ сознательно и разумно могъ молиться въ храмѣ". (Душепол. чт. Въ янв. стр. 404). Другой святитель, въ Бозѣ почившій, Никаноръ одесскій о важности церковности въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія

изъ воспоминаній своего дѣтства вотъ что говоритъ: „Какія мысли (идеи) раждала эта Псалтирь своимъ ладаннымъ запахомъ, своею кожаною оберткою, даже тѣмъ воскомъ церковныхъ свѣчей, какимъ она была закапана,—этотъ Давидъ, бряцающій въ гусли, этотъ Мойсей съ лучами свѣта, жезломъ разсѣкающій морскія волны, по которымъ проходятъ евреи! Въ какую глубину свѣтлыхъ райскихъ мыслей (идей) погружали этотъ дѣдовскій молитвенникъ и при молитвахъ на сонъ грядущимъ изображеніе, какъ Іосифъ съ Никодимомъ въ сумерки, вечеромъ кладутъ Христа на смертный сонъ во гробъ! Сколько несказанной радости навѣвала эта пасхальная книжица, переплетенная въ бѣлый пергаментъ съ своими ярко-красными заглавными буквами, этотъ освѣщенный лучами ликъ Христа, встающій изъ гроба съ побѣднымъ знаменемъ въ рукѣ, Теперь я отлично понимаю, что значитъ „воскресенія день просвѣтимся людіе“, но когда чувствую то, что пою, то плачу отъ горя; а въ дѣтствѣ я не понималъ цѣльной картины, заключающейся въ этой пѣснѣ, но пѣлъ ее, причемъ легкія буквально бились о стѣнки груди отъ восторга“. (Поуч. т. 2. стр. 112).

Старайтесь, бр., воспитывать своихъ дѣтей по священнымъ и церковнымъ книгамъ, и сами также ихъ читайте и слушайте; онѣ могутъ наставить насъ на путь спасенія. Объ этомъ ап. Павелъ своему ученику Тимофею вотъ что говоритъ: *ты изъ млада священныя писанія умѣеши, могущія тя умудрити во спасеніе, вѣрою яже о Христѣ Іисусѣ* (2 Тимоф. 3, 15). Устройствомъ этого просторнаго, свѣтлаго и приличнаго зданія для своей школы вы ясно свидѣтельствуете, что заботитесь о добромъ воспитаніи своихъ дѣтей. За устройство зданія вамъ награда отъ Бога и честь и похвала отъ людей. Но, сдѣлавъ одно доброе дѣло, устроивъ просторное помѣщеніе для школы, гдѣ будетъ удобнѣе вашимъ дѣтямъ учиться,—позаботьтесь и о другомъ—о расширеніи своего при-

ходскаго храма, дабы и тамъ было имъ просторнѣе молиться. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваши добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ.* (М. 5, 15).

Свящ. *Іаковъ. Сташевскій*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

Отъ Кіевск. духов. цензурн. Комитета печат. дозвол. 14 мая 1899 года.
Цензоръ, проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайл., ул., д. № 4.